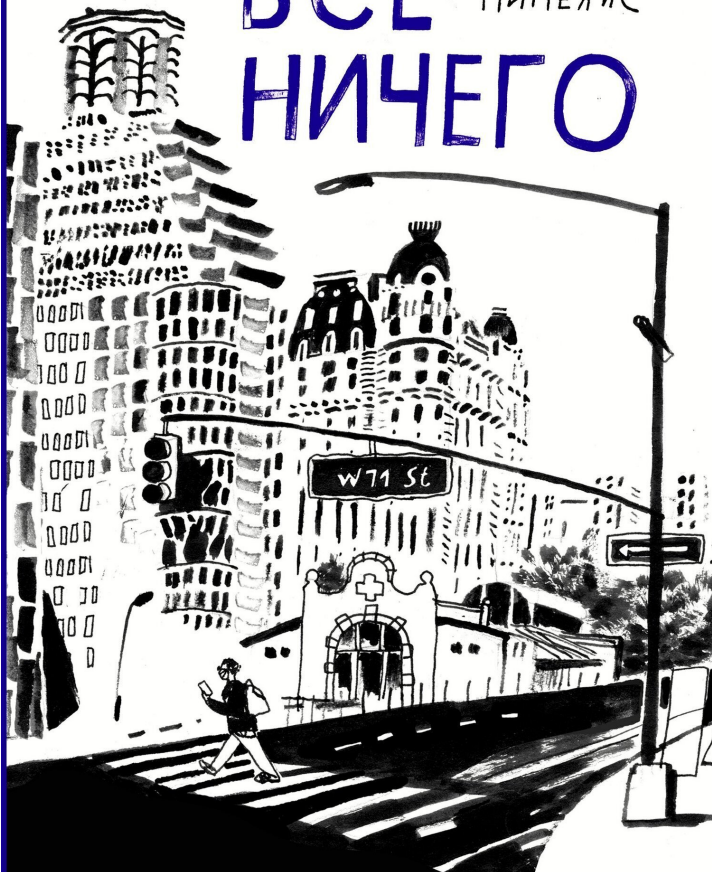

ВСЁ ЭВГЕНИЙ НИЧЕГО ПИНЕЛИС

Врач Евгений Пинелис сумел приручить, обжить ту новую реальность, в которой мы все очутились весной-летом 2020 года, наполнить происходящее теплом и смыслом.

Галина Юзефович

ЦЕ
РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНА ШУБИНОЙ

Евгений Пинелис

Всё ничего

Издательский текст

<https://litres.ru/60805388>

Всё ничего: Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной; М.; 2020

ISBN 978-5-17-132900-6

Аннотация

<p>Евгений Пинелис, врач в одной из больниц Нью-Йорка, родился в Москве в семье врачей, окончил медицинский университет и работает в США. «Всё ничего» – его дебютная книга.</p> <p>«Если вы хотите посмотреть на медицинский мир изнутри, то лучше всего это делать глазами врача-реаниматолога. Весь драматизм принятия решений больного в критическом состоянии, бытовые немедицинские зарисовки...» (<emphasiс>Денис Проценко</emphasiс>)</p> <p>«Евгений Пинелис умеет многое: смешить и пугать читателя, выкручивать рычажок эмпатии на максимум, находить идеально верные слова и интонацию для разговора о том, о чем мы сами говорить еще не научились. Однако главное его умение – приручить, обжить, описать ту жутковатую новую реальность, в которой мы все очутились весной-летом 2020 года, интегрировать ее в нашу обыденную жизнь – а значит, наполнить происходящее теплом и смыслом». (<emphasiс>Галина Юзефович</emphasiс>)</p>

Содержание

Предисловие	5
Пролог. 23 марта 2020	10
Часть первая	14
Октябрь 2003	14
Июль 2004 – июль 2006	19
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Евгений Всеволодович Пинелис Всё ничего

Моей семье, друзьям, учителям. Всем тем, с кем я вместе учился и работал. Всем, кто помогал мне с этой книгой. Всем, кто писал подбадривающие комментарии к моим записям. Всем, кто помогал и собирал необходимое для работы. Всем, кто аплодировал каждый день в семь вечера, поддерживая. Всем, кто не пережил этот неизвестно откуда появившийся бессмысленный кошмар.

© Пинелис Е.В.

© Смирнова А.Д., художественное оформление

© ООО «Издательство АСТ»

Предисловие

Большая часть этой книги написана в марте-апреле 2020 года во время эпидемии коронавируса в Нью-Йорке. Какую-то часть материала я написал раньше, но редактировал и соединял по смыслу разрозненные сюжеты одновременно с ведением ковидного дневника.

Я вырос в семье врачей и после некоторых вялых попыток юношеского бунта отправился по проторенному несколькими поколениями моей семьи пути – в медицинский институт. Я окончил институт в Москве, но никогда не работал в России, а настоящим врачом стал в Америке. Профессиональное становление в эмиграции заняло у меня добрый десяток лет. По дороге я встретил множество прекрасных людей. Стать врачом помогают не только уже состоявшиеся специалисты, но и те, кто выше на ступень или равные тебе резиденты (русский эквивалент этого слова, наверное, «ординаторы»). Слово «резидент» (от английского *reside* – «проживать») ввели в обиход, когда заметили, что находящиеся на обучении врачи фактически живут на работе, получая крайне редкие передышки. Обычный график был тридцать шесть часов каждые три дня. Я застал самый конец эпохи почти круглосуточного резидентского труда и начало времен небольших послаблений. Но и сегодня резиденты работают невероятно много – как в добрые докоронавирусные време-

на, так и при эпидемии. Не случайно в Нью-Йорке именно резиденты и медсестры стали первыми жертвами *COVID-19* среди медперсонала.

В период эпидемии моя жизнь превратилась в наполненные бессильным отчаянием долгие часы в больнице, изматывающие поездки домой в ставших еще более грязными поездах нью-йоркского метро и постоянный страх не только заболеть самому, но и заразить своих домашних. Именно в метро я начал делать короткие заметки о том, что творится в эти страшные дни в нью-йоркских госпиталях. За время эпидемии, как мне сейчас кажется, на моих глазах умерло больше пациентов, чем за всю мою десятилетнюю карьеру врача-интенсивиста. Во всяком случае так я думал в те дни. Больше имен и лиц, чем я был в состоянии запомнить. Я пытался рассказать какие-то истории, частные трагедии и счастливые исходы, очеловечивающие сухую статистику заболевших и умерших.

Сейчас мы переживаем совершенно беспрецедентную ситуацию, каждый день узнаём что-то новое об этом неизвестно откуда взявшемся на нашу голову вирусе. Считавшееся верным еще несколько дней назад ставится под сомнение новыми данными или новым экспертным мнением. Я подозреваю, что к моменту выхода книги то, что казалось разумным в первые дни эпидемии, сильно поменяется. Мне очень хочется узнать, что будет после этого вируса, каким будет новый мир, какой будет медицина, каким будет Нью-Йорк. Ве-

роятно, глядя оттуда, я улыбнусь наивности своего нынешнего восприятия.

Я очень не хотел делать свою книгу мрачной. Пациенты и коллеги для меня никогда не были просто работой, а были живыми людьми, которые порой злили, часто утомляли, но нередко и веселили. «Смешной» – это для меня главный комплимент. Уже давно, говоря жене о ком-то «смешной», я имею в виду, что человек мне необычайно понравился. Мой ребенок долго обижался на этот эпитет, но теперь он сам называет себя «смешным», когда доволен собой. Врачебный юмор достаточно специфический, но я ни в коем случае не смеюсь над смертью и страданиями. К сожалению, именно болея и страдая, люди обычно встречают врачей, и мне кажется, что непроницаемое выражение лица и неоправданный пафос последних тут не обязательны.

В книге довольно много медицинской специфики и терминов. Что-то я объясняю в тексте, для терминов даю определения в сносках. Во время эпидемии я постоянно думал о работе, даже в нечастые выходные. Многие из этих рассуждений касаются именно американской медицины, но читателям из России это всегда казалось интересным.

Самой сложной частью книги для меня оказалось название. В какой-то момент жена вспомнила часто используемое моим любимым братом выражение «Всё ничего». Он регулярно отвечает этой фразой на вопрос «Как дела?». Мы подумали, что она неплохо описывает нас в эти дни: Нью-

Йорк был «всем», каждый мог найти в нем что-то для себя – и вдруг за несколько дней наполненный жизнью мегаполис превратился в пустынное и не слишком приятное «ничего». Мы живем в одном из богатейших городов мира, где только бездомных детей больше ста тысяч. Наше настроение в те дни постоянно летало маятником между крайностями. Ежедневно возникали мысли об отъезде без всякого понимания куда, так как на этой планете мест без коронавируса осталось немного и я не уверен, что нас там ждали. Периодически эти мысли сменялись вспышками оптимизма, который питала сильно преувеличенная интерпретация всех мало-мальски неужасных новостей. Для меня фраза «Всё ничего» также достаточно близка по духу любимой английской приталике *S.N.A.F.U. – Situation Normal: All Fucked Up*¹. Мы регулярно это говорим в ситуациях условно контролируемого и нередко возникающего в интенсивной терапии хаоса. Сражаясь с коронавирусом, мы потеряли любую, даже эфемерную видимость контроля над реальностью. Мой друг, врач и писатель Иосиф Раскин, объясняя, что творится при массовом поступлении в приемное отделение иерусалимского госпиталя, сказал: «Единственное, над чем мы сохранили контроль, – наши сфинктеры». Во время эпидемии в некоторых лечебных заведениях врачи потеряли даже эту возможность, так как им предписали ходить в подгузниках.

---

¹ Ситуация под контролем: всё идет наперекосяк (англ.). Здесь и далее примеч. авт.

До эпидемии я не писал книг. В этой нет «главных героев» и «развития персонажей». Коронавирусный дневник разбивается флешбэками, повествование нелинейно, какие-то имена и лица появляются вновь и вновь, а какие-то упоминаются один раз и исчезают. Надеюсь, это не испортит ощущения от чтения.

28 апреля 2020

Пролог. 23 марта 2020

– Позвони семье, он скоро остановится! – кричу я высокому резиденту из Колумбии.

Сам пациент – из Доминиканской Республики. Я почти всегда спокоен на работе, но теперь всё время кричу, так как в респираторе и с акцентом доносить информацию иначе практически невозможно. Резидент, кажется, готов сломаться. Дикие глаза, порванная одноразовая полиэтиленовая накидка для работы с инфицированными пациентами. Кажется, в этих перчатках он был в палате уже несколько раз, хотя из палаты нельзя в них выходить. Он, конечно же, говорит по-испански. Как-то он добродушно сказал мне, что его невероятно раздражают доктора, которые пытаются провести осмотр, тыкая в пациента и повторяя: «Долор»². Я тогда смутился, проямлил, что знаю еще «Респиро профундо»³, «Комуста»⁴ и «Апрето ле mano»⁵. Для оценки тяжести состояния пациента и необходимости перевода в интенсивную терапию мне этого зачастую достаточно. После этого разговора, встречаясь с резидентом в коридоре, мы стучались кулаками и говорили: «Долор» – «Воистину долор». Теперь – ни-

---

² Боль (*исп.*).

³ Дышите глубже (*исп.*).

⁴ Как вы поживаете (*исп.*).

⁵ Сожмите мне руку (*исп.*).

каких кулаков. И за руку я уже давно ни с кем не здоровался. Замечаю, какой телефон он схватил и на каком компьютере искал номер семьи пациента. Делаю мысленную заметку. В эту часть отделения я не пойду без жизненной необходимости. Звонит. Быстрый испанский. Кладет трубку, качает головой. Значит, делать всё, включая массаж сердца, – семья не отпускает несчастного.

На мониторе волнообразная линия насыщения крови кислородом показывает 80, безумные настройки вентилятора. Давление на выдохе 26, на вдохе 44⁶. Нормальные легкие при таком разорвало бы, но сейчас необходимые дыхательные объемы еле доставляются ИВЛ в пораженный болезнью организм. Тяжелая дыхательная недостаточность, острый респираторный дистресс-синдром (ОРДС)⁷. Плохо. Выкручиваю давление на 40 на выдохе, кричу, чтобы кто-нибудь засек 40 секунд. Рекрутирующий маневр, попытка раскрыть легкие и хоть немного поднять уровень насыщения кислородом. Помогает минут на пять. Медсестра и резиденты увеличивают дозы препаратов, пытаюсь привести в норму давление, упавшее вместе с насыщением кислородом крови. Кто-то дает дозу адреналина. Частота сердечных сокращений подскакивает до 180, давление повышается, видно, как неравномерно дер-

---

⁶ Параметры искусственной вентиляции легких (ИВЛ). Пиковое – давление вдоха и ПДКВ – положительное давление конца выдоха. Не на ИВЛ – 5–10 и 0 соответственно.

⁷ Тяжелая и зачастую смертельная форма дыхательной недостаточности.

гается сердце между ребрами. «Мерцание предсердий!» – орет обычно тихая феллоу⁸ из Пакистана. Она тоже в респираторе и на взводе. Подсоединяем дефибриллятор, но ритм уже синусовый и частота падает, действие адреналина уже закончилось, препарат насытил рецепторы умирающего организма и перестал давать эффект. Частота сокращений на мониторе 180–140 – 120 – 80–40⁹.

«Код!»¹⁰ – кричит медсестра.

Клерк звонит оператору, раздается сигнал кода остановки сердца в блоке интенсивной терапии (БИТ). Я регулирую поток прибывших на помощь.

«Не больше трех человек в комнате, три подхода, три дозы адреналина. Беречь средства индивидуальной защиты!» – кричу я через маску.

Трое парней-резидентов вбегают в палату пациента, выстраиваясь в очередь для непрямого массажа сердца. Выкручиваю на вентиляторе настройки, чтобы хоть как-то подходили для сердечно-легочной реанимации (СЛР). В нормальные докоронавирусные времена вентилировали через мешок Амбу¹¹ – это естественней, – но теперь считается, что эта процедура увеличивает риск распространения виру-

---

⁸ Человек, проходящий обучение на специалиста. В данном случае – на интенсивиста.

⁹ Норма 60–100.

¹⁰ Сигнал остановки сердца. Чаще всего – «код блю».

¹¹ Механическое устройство для временной вентиляции легких. «Амбу» – товарный знак.

са. У вентилятора закрытый контур, так хоть немного безопасней для персонала. Через семь минут появляется пульс. На мониторе агональные широкие комплексы идиовентрикулярного ритма¹² с частотой 40 в минуту, насыщение крови кислородом – 50 %. Резидент звонит семье и говорит, что продолжать бессмысленно, сердце скоро снова остановится. Через несколько минут медсестра распечатывает прямую линию кардиограммы. Я подписываю протокол сердечно-легочной реанимации.

---

¹² Нарушение сердечного ритма.

Часть первая

Этот чудесный доковидный мир

Октябрь 2003

В аэропорт меня повезли родители и лучший друг. Там я договорился встретиться с будущей женой. (Тогда я, конечно, не знал, что через шесть лет мы устроим в нью-джерсийской деревеньке свадьбу, которая многим запомнится.) Моя будущая жена просто хотела что-то передать своей нью-йоркской подруге. Я летел в Вашингтон, жить мне предстояло где-то недалеко от Балтимора, но Америка была чем-то абстрактным и на карте все эти города были не очень далеко друг от друга. У меня были два чемодана, папка с бумагами и зачем-то рентгеновский снимок моих легких. В одном из чемоданов придавленный кучей любимых книг валялся диплом об окончании медицинского института.

Не помню, чтобы я сильно хотел в Америку. Мне казалось, что я счастлив в Москве начала 2000-х. Хотя сейчас я мало что могу вспомнить. Чаще в моих воспоминаниях об этом времени почему-то осень. Дождь и серый цвет. В девятом классе мы писали сочинение на тему «Запах серого». Я написал о московской осени. Это была моя первая и послед-

няя пятерка по русскому языку. А вот другое воспоминание: в октябре 2002-го мы набились в общежитие мединститута и с ужасом слушали о штурме «Норд-Оста».

Еще помню, что все мы очень много пили. Во время попойки на какой-то дорогой даче мой лучший друг, желая произвести впечатление на девушку, с разбегу прыгнул в бассейн. Был январь, в бассейне было несколько сантиметров льда. Утром мы увидели следы его локтей и коленей. Де-

вушка его после этого случая почему-то избегала.

Я уже на четвертом курсе знал, что уеду в Америку, и со спокойной душой не думал о дальнейшей карьере. Учиться было несложно; недельный кофейно-никотиновый штурм учебников – и экзамены сдавались. Что делать в Штатах – я не знал. Старший брат уехал давно, работал в лаборатории и сдавал экзамены на врача. Этот вариант я тоже рассматривал, но, бросая осторожные взгляды в присланные братом американские учебники, терял весь энтузиазм. О жизни в Америке я также почти ничего не знал. На вопросы брат обычно отвечал неопределенным: «Да так, всё ничего». Иногда он становился немного разговорчивее и использовал украденное у кого-то: «Трудовой лагерь с усиленным питанием». Первоисточника этого клише я так и не нашел. Один раз оно попало мне в ужасной книге неподалеку от фразы «брать девицу на абордаж». Надеюсь, братец изъясил свою фразу из книги поприличней.

Брата я очень люблю. Если бы не он, то ни в какую Америку я бы в жизни не поехал. Мы познакомились с ним в день моего рождения. Для многих этот день запомнился началом московской Олимпиады. Своим рождением я, как всякий ребенок, несколько нарушил планы родителей. Мама в шутку сетовала, что не удалось посмотреть церемонию открытия. А еще я оказался мальчиком, а маме очень уж хотелось девочку. Видимо, она понимала, что неприятности на этом только начинаются. Тринадцатилетний Димка был в пионерском

лагере. Папа отправился за ним на старой дедушкиной «Победе». У меня была желтуха новорожденных и незаросшие ушные свищи, оставшиеся от жаберных дуг зародыша. Вероятно, были и другие изъяны. Посмотрев на меня, Димка, оторванный от друзей, футбола и подъема под «Пионерскую зорьку», спросил:

– Может, мы его отдадим кому-нибудь?

В аэропорту я купил бутылку виски в дорогу. Место мне досталось в самом конце салона у прохода, где постоянно били по локтю проходящие в туалет люди. Я слушал *Joy Division*, перечитывал «Норвежский лес» Мураками и прихлебывал виски. Настроение стремительно улучшалось. Я летел с пересадкой в Нью-Йорке, где мне надо было пройти паспортный контроль. Пока мы кружили по аэропорту Джона Кеннеди, умерла вечно прекрасная Наоко из книги. Как и батарейки в плеере. Я отдал офицеру в будке толстенную папку с бумагами. Увидев ее, он произнес знакомое слово «фак» и вернул мне конверт с рентгеном, который я тоже попытался ему всучить. Через полчаса он вручил мне паспорт, и я оказался в Америке. Это было как-то даже слишком буднично. Местным рейсом я прилетел в Вашингтон и стал скучать в аэропорту, ожидая брата. Он, тогда уже резидент на втором году обучения, задерживался. У меня был номер телефона и код от карточки для звонков за границу. Я начал обзванивать московских друзей; почти никто не снимал

трубку, а с ответившими говорить было не о чем, так как мы только расстались после долгой череды прощальных вечеринок. Они стали расспрашивать меня об Америке, но, кроме аэропортов, я еще ничего в новой стране не видел.

Мы приехали к брату домой, я свалился спать и лишь на следующий день разобрал чемодан. Среди книг, дисков с музыкой и футболок нашлись посылка в Нью-Йорк и мой диплом. На подарочную упаковку была наклеена бумажка с телефоном отправительницы. Я собрался с духом и позвонил. После разговора неожиданно для себя сел за стол и начал читать фармакологию. Первую главу – об ацетилхолиновых рецепторах и миорелаксантах¹³, которые на них воздействуют по принципу яда кураре.

---

¹³ Препараты, которые блокируют указанные выше рецепторы, парализуя мышцы, включая диафрагму. Используются перед переводом пациента на ИВЛ.

Июль 2004 – июль 2006

Я сдал первый экзамен! Брат позвонил мне на работу. Преемственность поколений проявила себя, и я трудился в той же лаборатории, где когда-то работал он. Тогда, после переезда, открыв фармакологию в свой первый день в Америке, я не закрывал учебники месяцев шесть, чему весьма способствовало отсутствие в то время работы, денег и настроения. Я учился по семь-восемь часов в день и ждал разрешения на трудоустройство. Тогда я узнал, что в Америке всё происходит очень медленно. Шесть недель надо было ждать номера социального страхования, с которым уже можно было подать документы на разрешение поработать. О сроках последнего кокетливо написали «от восьми недель».

Когда сидеть дома становилось уже невозможно, я с опаской, но очень хорошо зная язык, вылезал в книжный магазин. Со столиками и хорошим кофе, он был для меня в новинку. (Теперь все книжные закрыты и неизвестно сколько их останется после карантина.) По-английски я мог читать, но вот разговаривать совсем не умел. Читая в книжном за чашкой кофе иммунологию, я понял, что без конспекта не смогу осилить все пути презентации антигена Т-клеткам. Ручка у меня имелась, а бумагу надо было добыть. За соседним столиком сидели симпатичные студентки. У них были учебники, хорошее настроение и множество блокнотов и

тетрадей. Я стал репетировать про себя вступительную фразу. «*Would you mind lending me a piece of paper?*»¹⁴ Нет, «пис» как-то похабно звучит. Кстати вспомнилось слово «*sheet*»¹⁵. «*Could I please borrow a sheet of paper?*»¹⁶ – приготовил я. Приблизившись к столику девушек, я улыбнулся, надеясь, что они заметили стопку моих толстых медицинских учебников, и выпалил: «*I would like to borrow piece of sheet... no, paper!*»¹⁷ Они засмеялись, и всё закончилось благополучно. Я смущенно уселся чертить свои иммунограммы на добытом «шите». Вступительная фраза, к моему разочарованию, стала завершающей.

В Америке всё было медленно, но стабильно. Мне дали социальное страхование, а затем и разрешение на работу. Не прошло и восьми месяцев после моего переезда, как я оказался помощником старшего научного сотрудника в иммунологической лаборатории департамента инфекционных болезней. Была в этом какая-то ирония. Или логика. Институт был не простой, а военный. Используя значительный капитал Билла Гейтса и американской армии, мы пытались разработать противомаларийную вакцину. Паразит, убивающий в

---

¹⁴ Вы не дадите мне лист бумаги? (англ.)

¹⁵ Лист (англ.).

¹⁶ Могу ли я попросить лист бумаги? (англ.)

¹⁷ Говорящие по-английски с акцентом произносят слово *shit* («дерьмо») и *sheet* («лист бумаги») одинаково.

год миллионы людей, страшно раздражал Гейтса, который искренне надеялся помочь регионам, где свирепствовала зараза. Американская армия, как я цинично подозревал, была вообще-то не против обезопасить от этого недуга солдат. Ну просто так, дабы поспокойнее проводить миротворческие миссии в тех же регионах. С малярией пока ничего путного не вышло, а Билл Гейтс теперь жертвует средства на вакцину от коронавируса, порождая безумные теории заговора.

Канадский профессор-иммунолог по имени Роберт, которому меня назначили в помощники, был симпатичнейшим невротиком с болезнью Крона¹⁸. О напасти своей он знал намного больше меня, но был преисполнен уважения к моему уже отглаженному, переведенному и нотариально заверенному медицинскому диплому. Иногда он спрашивал у меня рекомендации, которые я ему с неизвестно откуда взявшимся апломбом давал. Часто, сидя с пипеткой и капая микрограммы антигена в нанограммы антитела или наоборот, я слушал о течении этой загадочной болезни, анализах Роберта и бесчувственности американских врачей. За мою чуткость он научил меня множеству интересных и никогда больше не понадобившихся лабораторных методик. Например, я до сих пор помню, как отделить слюнные железы от малярийного комара и добыть оттуда несколько тысяч малярийных плазмодиев.

---

¹⁸ Аутоиммунное заболевание кишечника.

В институте было много для меня необычного: пропускной пункт с автоматчиками, дешевые сигареты в небольшом магазинчике на территории, множество людей в форме, уткнувшихся в пробирки, лаборатории, разводящие комаров. Каждую въезжающую машину досматривали. В моей всегда был суший бардак. Ее кое-как проверяли брезгливо кривящие рты, аккуратные, с иголки одетые вояки. Зато выходить из здания института и выезжать с его территории можно было совершенно свободно.

Как-то в поисках нужной пробирки мы с Робертом залезли глубоко в недра огромного холодильника с температурой минус 70 градусов. Я достал коробку с пробирками, которая, если судить по количеству наросшего льда, была там очень давно, и поинтересовался, что это. Мой профессор посмотрел, немного побледнел и, пробормотав, что это очень опасная вещь, засунул коробочку еще глубже, чем раньше. Я успел разглядеть выцветшую надпись на пробирках: «Стафилококковый супертоксин» и сразу вспомнил майора Куприянова, который читал у нас военную токсикологию. На военной кафедре у каждого преподавателя была своя фраза, которую студенты передавали из поколения в поколение. «Нетленкой» Куприянова было: «А сейчас я вам покажу рисунки людей после приема ЛСД. Нет, рисую их не я. Но я их коллекционирую». Большую часть своих лекций он в красочных подробностях рассказывал, что случится, если в си-

стему водоснабжения или вентиляции большого города противника добавить какую-нибудь страшную гадость. Бактериальные токсины в его списках, насколько я помнил, тоже были.

Хотя мне почти не платили, работать в институте было сплошным удовольствием. Устроила меня туда подруга брата, а потом и моя, Таня Савранская, вовремя угостив сигаретой заведующую лабораторией. Разобравшись с требованиями Роберта, я быстро наполнил свои рабочие дни приятной рутинной: каждое утро поднимался в лабораторию, закидывал что-нибудь в автоклав или, наоборот, в морозилку, и, обозначив таким образом начало рабочего дня, бежал пить кофе. Привычно фыркнув, проходя кабинет майора Гея и следующий сразу за ним кабинет полковника Стрейта (мы шутили, что тут несомненная дискриминация), я удалялся минут на пятьдесят в наш кофейно-сигаретный клуб. Начали мы его всё с той же Таней, потом к нам присоединились старший научный сотрудник Боря, подполковник Рауль и младший научный сотрудник из Индии по имени Сачин, помимо прочего примечательный тем, что для защиты своей кандидатской диссертации по молекулярной биологии использовал сперму индюков, еженедельно добывая ее у подопытных все два года экспериментальной части своей работы. В тот погожий день мы взяли чашки кофе с собой и нелегально наслаждались сигаретой на увитой зеленью веранде. Место для легального курения – маленькую беседку, где было

нечем дышать, – мы избегали. Во время такого перекура мне и позвонил брат:

– Ты сдал!

– Как?

– Неплохо. 96 перцентилей¹⁹.

Хорошо ли это, я не знал – никто у нас перцентиллями не измерял результаты экзаменов, – но 96 звучало довольно солидно. Следующий экзамен был много проще, сдался без боя на 98, и пришел черед экзамена по клиническому искусству. Очень странное мероприятие, где нужно было провести осмотр актера-пациента, изобрести набор диагнозов и план лечения. И так восемь раз по двадцать пять минут. Готовился я к нему с другом, который изображал пациентов и, будучи прекрасным врачом, с удовольствием развлекался. Например, превращаясь в паркинсоника, он отвечал на вопросы невероятно медленно и не давал возможности закончить в положенные пятнадцать минут (десять оставляли на записи), а на попытки поторопить изображал типичное для паркинсоника раздражение и медленно и без мимики бранился.

Мне, конечно, грех ругать американскую систему медицинской сертификации. Отдел мозга, ответственный за тесты с возможностью выбора ответа, у меня явно развит неплохо, но порой даже ему не удается следовать за извилистым ходом мысли создателей вопросов. Обычно я схваты-

---

¹⁹ Перцентиль – одна из числовых характеристик распределения вероятностей

ваю идею вопроса, нахожу фразу, позволяющую мне раскрыть заданную ситуацию до диагноза. Как только я понимал диагноз, к нему с радостью вспоминались патофизиология, лечение, интересные факты о нужной болезни. Но иногда хотелось отчаянно закричать и выкинуть монитор в окно. Вот, например, был такой вопрос.

Женщине с плохой наследственностью по поводу тромбоэмболической болезни надо выбрать контрацептив. Потом следует длинный рассказ о неприятностях многочисленных ее родственников с тромбами в разных частях тела и заканчивается сообщением о том, что сама пациентка здорова, хотя и полновата. Последняя фраза задачи: пациентка наотрез отказывается от медной внутриматочной спирали в качестве контрацепции. Дальше варианты ответов. Мучительно сообщаю и наконец выбираю комбинацию таблеток с самым низким содержанием эстрогена, так как нас с воображаемой пациенткой больше всего волнуют потенциальные тромбоэмболические осложнения. Компьютер зажигается тревожным красным светом. Правильный ответ: *не* медная внутриматочная спираль. Создатели этого произведения вопросительного искусства посчитали, что на основании данного мне описания я должен был сообразить, что пациентка имеет давний устоявшийся антагонизм к меди, а вот спирали ее совсем не смущают. Видимо, моего английского для таких тонкостей недостаточно.

Сданные экзамены означают поиск резидентуры. Пора по-

давать заявки, писать личное заявление, находить рекомендации настоящих американских врачей. Личное заявление – страшный документ, где я должен был объяснить, почему я хочу быть врачом, каковы мои планы на будущее и почему я хочу стать резидентом именно в этом госпитале. Этот документ невозможно написать хорошо. В лучшем случае он не повредит карьере. Однажды мой приятель-онколог рассказывал, как читал личное заявление одного неплохого по многим параметрам кандидата. Документ начинался словами: «Почему, о почему в мире так много раковых опухолей?» На собеседование кандидата не позвали. В моем личном заявлении были в основном банальности: семья врачей, призвание, тернистый путь от лаборанта на самый верх.

Меня пригласили на несколько собеседований. На первом же предложили контракт. Я этого предложения не принял, сказав, что готовлюсь испытать свои шансы в мэтче. «О'кей, – сказал заведующий резидентурой, – мы тебя внесем в мэтч-лист». Мэтч – еще одно изобретение американской системы медицинского образования. Резидентские программы расставляют по порядку понравившихся им кандидатов, а кандидаты – их. Мудрый компьютерный алгоритм сопоставляет списки и находит совпадения, практически заключая брак на небесах между резидентом и программой. За изобретение мэтча Элвин Рот получил Нобелевскую премию по экономике (и множество нехороших слов в свой адрес от будущих резидентов). После данного мне обещания

я решил, что резидентура у меня в кармане, и спокойно ходил на другие собеседования, задрал нос. Я отверг еще один контракт в больнице поменьше. Из Филадельфийского университета мне прислали хвалебное, переполненное восторженными эпитетами в мой адрес письмо, которое моя мама могла бы смело поместить у нас дома в Москве на мой «алтарь». Есть в моей бывшей комнате странная тумбочка, куда мама поставила множество моих фотографий с неестественными улыбками. Во время частых родительских отъездов задержавшиеся на ночь или пару недель друзья раздраженно говорили, что видеть этот кошмар с похмелья очень неприятно.

В день мэтча я спокойно развлекался со своими пробирками. Я сообщил Роберту, что в 11:55 мне надо быть у компьютераа, чтобы ровно в полдень узнать, где проведу следующие три года. На первое место я поставил больницу в Лонг-Айленде, на второе – Филадельфию с хвалебным письмом. Потом шли вашингтонские и балтиморские медицинские учреждения. В полдень я обновил страницу и узнал, что никуда не попал. Я?! С моими баллами?! С двумя контрактами в кармане и письмом, наполненным дифирамбами, не попал никуда?! Это был шок. Как всегда, когда что-то не складывалось, я позвонил брату. «Всё ничего», – сказал он. Оказалось, что на мэтче ничего не заканчивается. Начинается послемэтчевая чехарда²⁰: программы с пустыми позициями

---

²⁰ Scramble.

ловят резидентов, которые никуда не попали, – и наоборот. Проглотив без труда гордость, я написал в маленькую балтиморскую больницу, где до этого гордо отказался от контракта. «Как хорошо, что вы написали, – пришел вежливый и спокойный ответ через час, – у нас как раз не нашлось кандидата на одно место. Давайте встретимся послезавтра».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.